

Ю. А. Дроздова
(канд. социол. наук,
Волгоградский институт управления —
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС)
DOI 10.22162/2587-6503-2017-2-2-81-88

Региональная идентичность как ресурс адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (16-13-34011).

Важным направлением современной миграционной политики в Российской Федерации является «содействие адаптации, интеграции и реинтеграции мигрантов, формирование взаимной толерантности мигрантов и местного населения» [Миграция... 2013: 33].

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. задачами в области содействия адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом являются: «... формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости; <...> противодействие социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов; <...> совершенствование взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с общественными объединениями, содействующими адаптации и интеграции мигрантов» [Концепция... 2013].

Волгоградская область исторически является принимающим мигрантов регионом, располагаясь на пересечении торговых, транспортных путей (сухопутных, речных), обладая транзитным положением между Казахстаном, Республикой Калмыкия, Средней Азией, Северным Кавказом, Центральной Россией. Миграционные процессы, в результате которых объем миграции в регионе вырос в 3–4 раза за последние годы [Гладков 2015: 4], актуализируют исследование социальных механизмов адаптации и интеграции принимающего и при-

бывающего населения, среди которых наиболее действенным для формирования солидарной социальной среды и преодоления конфликтов (от бытовых до межнациональных), на наш взгляд, является региональная идентичность.

Региональная идентичность рассматривается нами как состояние соотнесения личности с регионом, где он проживает, региональным сообществом, определенными вторичными социальными группами (соседи, коллеги, горожане, односельчане и т. д.), где имеет устойчивые социальные взаимодействия, повседневные социальные практики. Как разновидность групповой идентичности региональная идентичность предполагает активность населения в конструировании социальной реальности и, с одной стороны, эмоциональную привязанность к месту жительства и местному сообществу, а с другой — рефлексию, основанную на знании возможностей и ограничений для реализации индивидуальных жизненных траекторий, но при этом поддержание мотивации к участию в региональных взаимодействиях и самореализации на данной территории.

При этом «присвоение», интерпретация, «конвенциализация» социального пространства, где происходят постоянные социальные взаимодействия, «пространственные социальные представления» [Moscovici 1984: 7–8], обуславливаются не столько количественными показателями (когда родился, сколько лет живет и работает в регионе, количество и интенсивность взаимодействий и т. д.), а качественными (восприятие территории как Родины, желание остаться и реализовываться на данной территории, развивать её, связывать с регионом свое будущее и будущее своих детей и т. д.). Как интерсубъективная реальность региональная идентичность придает общепринятый смысл объектам, лицам и событиям, позволяет и принимающему населению региона, и прибывшему населению (мигрантам) формировать общеразделяемые принципы, ценности, устанавливать солидарные связи и отношения между представителями различных культур и национальностей.

Волгоградская область является многонациональной: на ее территории проживают более 150 национальностей и народностей, среди них представители бывших союзных республик, автономных округов и областей, многих зарубежных стран: болгары, турки, греки, афганцы, финны, чехи, румыны и другие, численность которых в регионе невелика. По данным переписи населения (Перепись населения 2010 г:

Волгоградская область) в общей численности постоянного населения русские составляют наибольшую часть — 88,5 %, на другие национальности приходится 11,5 %: украинцев — 1,4 %, казахов — 1,8 %, армян — 1,1 %, немцев — 0,4 %, татар — 0,9 %, белорусов — 0,3 %, чеченцев — 0,4 %, азербайджанцев — 0,6 %, цыган, корейцев, узбеков — по 0,3 %, чувашей, турок, таджиков, марийцев — по 0,2 %. Остальные национальности составляют 2,9 % общей численности населения [Национальный: 2012]. Согласно современному определению, Волгоградская область является полиэтничным регионом [Молодежь... 2014: 7], а такое же многообразие народов и народностей, языков, традиций представлено только в Краснодарском крае, что свидетельствует в целом о культурном своеобразии Волгоградской области и актуализирует при сохранении этнической, социокультурной идентичности формирование региональной идентичности как ресурса адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе.

Адаптация мигрантов как приспособление к существующим условиям, нормам и ценностям, моделям поведения является многосубъектным процессом, где основными субъектами, безусловно, являются прибывающее население (мигранты) и принимающее население, проживающее в регионе более десяти лет и имеющее устойчивую идентификацию как волгоградцы. Среди других, в том числе институциональных субъектов, можно выделить органы федеральной (региональной или муниципальной) власти региона — реципиента, принимающего мигрантов; органы федеральной (региональной или муниципальной) власти региона — донора, являющегося пунктом исхода мигрантов; СМИ, работодателей, учреждения здравоохранения, культуры и т.д. При этом, учитывая нерегулярный, сезонный характер миграции в Волгоградскую область, адаптация мигрантов является основным социальным механизмом, социальной тактикой для прибывающего населения. Иммигранты в глубинных интервью отмечали: *«Мы приезжаем в марте, готовим поля и все лето работаем здесь, а в октябре уезжаем. Заработанных денег хватает до следующей весны. <...> Буду ездить, пока будет возможность, но не хочу здесь оставаться. Дома — жена, дети взрослые, у них там есть работа, они не хотят в Россию (информант № 7, мужчина из Таджикистана, 54 года); «...Сельскохозяйственная работа же здесь. Дома как работаешь на полях, здесь так же. Это поля же здесь (улыбается). У нас тоже в Узбекистане тоже постоянно что-нибудь сажаем. И здесь тоже не так трудно, нормально. Дома сажаем,*

на рынке продаем. Оказывается, здесь тоже такая работа, поэтому сюда. Весну работаем, лето работаем, много очень. Зимой в Узбекистане будем отдыхать. Нормально здесь зарабатываем (информант № 10, мужчина из Узбекистана, 38 лет) [Отчет... 2016]. Таким образом, в Волгоградской области преобладает сезонная миграция, это подтверждают и данные официальных источников [Гладков 2015: 5].

По мнению эксперта гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» Л. Л. Рыбаковского: «Трудовой иммигрант приезжает на 6 месяцев, на год максимум. Ему тут не до интеграции, ему заработать и уехать. ... Он приспособливается, немножко адаптируется в некоторых вещах, потому что это, бесспорно. Он адаптируется к условиям, в какой-то степени к законам».

Но при рассмотрении территории проживания или работы как временного состояния, на наш взгляд, именно региональная идентичность как конструируемая коммуникативная практика будет способствовать успешной адаптации прибывающего населения (сезонных мигрантов), и пока она является неосвоенным ресурсом.

Социальные взаимодействия сезонных мигрантов, также, как и при интеграции, рассматриваемой как долгосрочный социальный механизм, социальная стратегия прибывающего населения, выбирающего регион — реципиент в качестве постоянного места жительства и работы, — обладают следующими социальными характеристиками: «единство места и времени действия» [Штомпка 2005: 68]; регулируемость (нерегулируемость); единство (противоположность) целей, интересов; доверие (недоверие); уравновешенность (неуравновешенность) и т. д. И адаптации, и, тем более, интеграции присущ эффект социальной фасилитации, когда присутствие и воздействие других людей существенно влияют на характер и формы, желание взаимодействия [Майерс 1997: 356–363]. Выстраивание региональной идентичности можно рассматривать как осознанную реакцию индивида, позволяющую формировать солидарные отношения, а не конфликтные; чувство принадлежности к группе (даже временной); идентификацию с ней как состояние, отражающее внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами.

В качестве примера успешной адаптации и частично интеграции может быть рассмотрена образовательная миграция, когда независимо от срока нахождения образовательного мигранта в стране или

регионе-реципиенте, формируется территориальная идентичность. Образовательная миграция в основном осуществляется молодежью, является современной тенденцией в её пространственной мобильности, что также влияет на адаптивные стратегии мигрантов. Из участвовавших в опросе иностранцев-студентов вузов Волгограда (опрос проводился в рамках реализации гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», Волгоградская область, сентябрь 2016, n=150) — в вопросе по методике Ч. Кули об идентификационных соотношениях себя с определенной социальной группой, общностями 93 % респондентов выбрали среди других идентичностей региональную идентичность, соотнеся себя с жителями Волгоградской области, что подтвердило гипотезы — следствия социологического исследования о ресурсных возможностях региональной идентичности при адаптации и интеграции мигрантов, многосубъектности адаптационного и интеграционного процессов при миграции (в данном случае — органы регионального (муниципального) управления, руководство вузов, профессорско-преподавательский состав, однокурсники и т. д.)

Интеграция как долгосрочная стратегия мигрантов, по данным опроса (опрос проводился в рамках реализации гранта РГНФ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», Волгоградская область, июль – сентябрь 2016, мигранты, n=150), актуальна для 36,4 % опрошенных мигрантов, которые на вопрос: «Какие у Вас планы на дальнейшее пребывание в Волгоградской области?», выбрали вариант ответа *«хотел(а) бы остаться навсегда, на постоянное место жительства»*; 23,6 % респондентов ответили, что *«хотел(а) бы жить здесь несколько лет, а затем вернуться на свою Родину»*; 15,7 % , участвующих в опросе, — *«хотел(а) бы остаться навсегда в России, но не в Волгоградской области»*, 17,1 % респондентов выбрали вариант ответа *«буду приезжать на временные (сезонные) работы, зарабатывать деньги и уезжать домой»* и только 7,1 % опрошенных заявили, что *«больше не приеду сюда»*.

Как видим, для большинства опрошенных предпочтительной является стратегия интеграции, но на данный момент только 34,7 % прибывших в регион *«воспринимают и стараются следовать традициям и правилам коренных жителей региона»*, а 42,9 % респондентов *«стараются сохранить свои традиции и правила»*, 4,8 % — *«не хотят соблюдать традиции и правила коренных жителей региона»*, 15,6 %

респондентов затруднились с ответом. Полученные данные свидетельствуют о противоречивых жизненных стратегиях прибывающего населения и латентной конфликтной региональной среде, которая, безусловно, нуждается в контроле, мониторинге и регулировании.

Региональная идентичность, на наш взгляд, является и управленческим ресурсом, формирование которой (через СМИ, культурно-просветительскую работу, взаимодействие власти и населения, адаптационные, интеграционные программы для мигрантов и т. д.) способно минимизировать миграционные риски, их негативные последствия и даже угрозы.

В Волгоградской области на основании проведенного авторского исследования мы выделяем следующие миграционные риски: риски в сфере экономики (занятость, «иммигрантские секторы» (следствием является фактическое недопущение коренных жителей или лиц иной национальности в эти сферы занятости); неравенство в оплате труда и ее демпингование за счет дешевой рабочей силы мигрантов и т. д.); риски в сфере политики (увеличение числа этнических иммигрантов и их неконтролируемое расселение, способствующее образованию своеобразных иммигрантских анклавов; истощение интеллектуального потенциала страны и региона; изменение социального самочувствия жителей региона); риски в сфере культуры (культурная разобщенность населения страны; перманентная отчужденность представителей различных национальностей (культурная, религиозная и другая), взаимодействующих в регионе; распространение и усиление влияния культур иммигрантов различных национальностей и снижение влияния русской культуры на все области жизни общества); риски национальной и региональной безопасности (терроризм и экстремизм); риски общесоциальные (возможность возникновения конфликтов на религиозной почве; обострения межнациональных отношений и другие) [Дроздова 2016: 103–106].

Сложность прогнозирования и управления миграционными рисками, безусловно, актуализирует их исследование и повышенное внимание к региональной идентичности. Неспособность формировать дискурс, ценности «солидарного пространства» и «солидарных связей» принимающего и прибывающего населения через конструкт региональной идентификации, что, безусловно, является долгосрочной, ресурсозатратной коммуникативной стратегией, вызывает процессы, происходящие сегодня в Западной Европе, которая уже не управляет

рисками, а решает возникшие проблемы, связанные со столкновением интересов, целей иммигрантов и принимающего населения [Коллиер 2016].

Региональная идентичность может привести к созданию практических возможностей, отвечающих интересам людей, проживающих на определенной территории, и является, на наш взгляд, важным направлением региональной миграционной политики. Региональная идентичность как система социальной коммуникации повышает уровень взаимозависимости: чем в большей мере люди воспринимают ее как постоянную характеристику жизни (география, пользование одними и теми же транспортными коммуникациями и энергоресурсами, наличие общих друзей или противников), тем сильнее чувство идентичности региона. На наш взгляд, формирование региональной идентичности позволит изменить негативное или настороженное отношение к мигрантам в принимающем обществе на справедливое, исходя из результатов их труда, вклада мигрантов в развитие региона, их желания участвовать в солидарных социальных взаимодействиях на территории проживания или работы.

Изменение восприятия и оценки региона принимающим или прибывающим населением будет зависеть от качества жизни в регионе, удовлетворенности регионом как местом жительства и работы, развития пространственных преимуществ, которыми обладает Волгоградская область в сравнении с другими российскими регионами, деятельности региональной и муниципальной властей, совершенствования законодательства, в том числе миграционного, улучшения репутации политических акторов, что является условием и важными ресурсами формирования региональной идентичности как солидаризирующего компонента в адаптации и интеграции мигрантов и основания солидарной позиции субъектов, вовлеченных в миграционные процессы.

Литература

Дмитриев А. В., Леденева В. Ю., Назарова Е. А. Миграция в Москве: модели и перспективы. М.: Альфа, 2013. 120 с.

Дроздова Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области // Вестник ВолГУ. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4. С. 100–109.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). [электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/>, свободный (дата обращения: 24.08.2017).

Майерс Д. Социальная психология (Social Psychology). СПб.: Питер Пресс, 1997. 688 с.

Гладков Е. С. Информация о миграционной ситуации на территории Волгоградской области за 2015 год. Волгоград: Архив Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области, 2015. 7 с.

Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

Молодежь в полиэтничных регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад / ред. Тишков В. А., Коновалов В. Н., Лукичев П. Н., Степанов В. В. М. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 84 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4. Кн. 1. 1256 с.

Отчет по полевому этапу исследования в рамках реализации гранта РГНФ 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ». Глубинные интервью с иммигрантами. Волгоградская область, 2016, июль – сентябрь, N = 15.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

Moscovici S. The Phenomenon of Social Representation // Robert M. Farr and Serge Moscovici (eds.). Social Representations. Cambridge, 1984. 412 p.